

Сириченко Екатерина Никитична / 1941 г.р.

«Мое военное детство»

Я боюсь войны, и хочу,
чтобы она больше никогда не пришла
в наши дома, что бы никогда больше
не было «детей войны»!

Мне не было еще и пяти лет, когда началась Великая Отечественная война. Мое родное село на Украине (Донецкая область) фашисты оккупировали дважды, и зверства их были невероятны. Наши семьи выгоняли из домов на улицу, а сами занимали наши дома. Хорошо помню, хоть и была совсем маленькой, как на улице соорудили виселицу и повесили нашего односельчанина с вывеской на груди «партизан». Отнимали у населения кур, скотину, продукты питания, негодных расстреливали.

В 1943 году погиб на фронте мой отец, и почему-то матери моей пришли одна за другой четыре «похоронки». Она не просыхала от слез, ведь на руках у нее осталось четверо малолетних детей, причем самая младшая моя сестренка родилась 22 июня 1941 года. Мама работала на заводе – ведь там выдавали продуктовые карточки. В промежутках между сменами работала в поле, чтобы прокормить детей. Помню, какая была в семье трагедия, когда она потеряла эти карточки, и мы целый месяц оставались без хлеба.

К тому же у нас не было своего дома, мама вынуждена была с нами, четырьмя детьми снимать углы в чужих домах. Надо ли говорить о том, с какой неохотой соглашались люди пускать к себе многодетную вдову!

Вот так мы и жили в войну. Но и после войны нам легче не стало. Жестокий неурожай, голод в 1946 году буквально косил людей и без того истощенных войной. С раннего возраста мы пошли работать. Я, например, уже в 7-8 лет взялась носить воду работающим в поле. Ведро тяжеленое, ходить далеко: «Водонос! Неси скорее воду!» Наравне со взрослыми мы пололи, собирали в поле колоски, убирали урожай. А зимой голодали, брат мой младший опух от голода, его еле выходили. Он давно уже умер, сказалось военное лихолетье. Помню, ходили по мусоркам, подбирали картофельные очистки, а затем пекли их на плите и ели. Как-то мне повезло найти в мусоре 10 рублей! Боже, как была рада!

Долго думала, что же купить на эту десятку, что бы нам четверым, хоть что-то попало. Купила у торговки стакан семечек жареных за шесть рублей, разделили их поровну и еще маме горсточку оставили. Она как раз была в ночной смене. Совсем молодая вдова, ей было всего тридцать.

В школу ходить было не в чем, ни одежды, ни обуви. Мы со старшей сестрой (ее тоже давно нет в живых) попеременно носили мамин старый ватник: она в первую смену, я - во вторую. Я потом из-за холодов и болезни пропустила целую третью четверть, это было в 4 классе. К нам домой пришла моя учительница и уговорила всё-таки вернуться в школу, ведь уже была весна, можно было обойтись без теплой одежды и обуви. Я согласилась не сразу, решила бросить учебу. Но Мария Ивановна (огромное ей спасибо) уговорила. И окончила я 4 класс круглой отличницей. Хорошо, несмотря на бедность и нужду учились и мои сестры, и брат. Мама наша, великая труженица, смогла дать трем среднее специальное образование, а мне – высшее! Уже потом, много лет спустя, когда мы стали взрослыми и помогали ей, она всегда плакала, вспоминая то трудное, страшное время. Я тогда просила её: «Мама, не надо, не вспоминай те трудные времена». А теперь, когда сама я давно пережила её возраст, так понимаю её и тоже плачу. Вот так проходило мое военное и после военное детство, опаленное войной.

Эти строки я пишу не для того, чтобы вызвать у кого-то сострадание или жалость к нам, детям войны. Я хочу выразить свой протест против того жестокого испытания, которое пришлось пережить моему поколению. Прошли десятилетия, но мне по сей день снятся те тяжелые времена.